ЭРНЕСТ ХОРНУНГ

КТО СМЕЕТСЯ ПОСЛЕДНИМ

Часть сборника: Настоящий английский детектив. Собрание лучших историй

Эрнест Уильям Хорнунг
Кто смеется последним

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7269610
Настоящий английский детектив. Собрание лучших историй : [повести, рассказы]: Э; Москва; 2017

Аннотация

«Как я уже отмечал, наши самые занимательные с чисто криминальной точки зрения похождения менее всего отвечают скромным целям моих записок. Какой-нибудь виртуоз лома и отмычки с неподдельным интересом прочел бы их в специализированном журнале (если бы таковой издавался), но как свидетельство непревзойденных, хотя и нешумных успехов они могли показаться и чересчур приземленными, и чересчур запутанными, а подчас и вовсе недостойными и даже опасными. Два последних эпитета наряду с другими, еще более резкими, не раз выходили из-под послушного пера благонамеренных писак и адресовались не столько Раффлсу и его деяниям, сколько их летописцу…»

Содержание

Эрнест Уильям Хорнунг
Кто смеется последним

Как я уже отмечал, наши самые занимательные с чисто криминальной точки зрения похождения менее всего отвечают скромным целям моих записок. Какой-нибудь виртуоз лома и отмычки с неподдельным интересом прочел бы их в специализированном журнале (если бы таковой издавался), но как свидетельство непревзойденных, хотя и нешумных успехов они могли показаться и чересчур приземленными, и чересчур запутанными, а подчас и вовсе недостойными и даже опасными. Два последних эпитета наряду с другими, еще более резкими, не раз выходили из-под послушного пера благонамеренных писак и адресовались не столько Раффлсу и его деяниям, сколько их летописцу. Согласиться с подобными ханжескими высказываниями я, разумеется, не могу. Горячо отвергая их в целом, я настаиваю, что сочинения мои – красноречивое предупреждение миру. Раффлс был гением, не получившим признания! Он обладал находчивостью, фантазией, несравненной смелостью и беспримерной выдержкой. Он был стратегом и тактиком, и уж намто хорошо известна разница между тем и другим. И такой человек месяцами прятался, как заяц в норе, ни днем, ни ночью не мог показаться на улице, даже переодетым, под угрозой и этот наряд сменить на погребальные одежды. Успех

слишком часто оборачивался для нас неприятностями. Как тут было не вспомнить веселые, беззаботные развлечения на крикетной площадке и noctes ambrosiana[1], проведенные в Олбани!

Теперь же к постоянной угрозе быть узнанными прибавилась новая, о которой я не подозревал. Шарманщики-неаполитанцы давно перестали меня волновать, хотя из-за них история Раффлса лишилась страниц, посвященных загадочным событиям в Италии. Но он их не вспоминал, и я выкинул из головы его абсурдные идеи о связи шарманщиков с каморрой и о слежке за ним. Как говорится, с глаз долой, из сердца вон. И вот однажды осенним вечером – боже меня упаси попусту нагонять страх на доверчивых читателей, – однажды осенним вечером мы присмотрели особняк на Пэлис-Гарденс, но, когда приблизились к нему, Раффлс не остановился. Улица была пустынна, окна темны. Тем не менее Раффлс взял меня под руку, и без единого слова мы двинулись дальше. Дойдя до Ноттинг-Хилла, быстро свернули налево, еще быстрей миновали Сильвер-стрит, покружили по боковым улицам и, промчавшись по Хай-стрит, вдруг оказались у собственного дома.

– А теперь наденьте пижаму, – войдя в квартиру, произнес Раффлс таким строгим тоном, словно речь шла о чем-то важном. Вечер был не по-сентябрьски теплым, и я не стал возражать, хотя, послушно переодевшись и вернувшись в ком-

[1] Благоуханные ночи (*лат.*).

нату, обнаружил, что мой деспотичный друг еще не снял ни ботинок, ни шляпы. Свет он тоже не включал и, стоя у окна, смотрел через шторы на улицу. Он позволил мне зажечь газ и взял сигарету, не притронувшись к спиртному.

– Вам налить? – спросил я.

– Нет, спасибо.

– Что случилось?

– За нами следили.

– Не может быть!

– Вы хотите сказать, что вы не видели.

– Не понимаю, как вы смогли увидеть, не оборачиваясь.

– Я даже сквозь стены вижу, Кролик.

Я взял бокал и наполнил его с большей щедростью, чем собирался.

– Так вот почему…

– Именно поэтому, – кивнул Раффлс, он был серьезен, и я отставил полный бокал.

– Значит, они шли за нами!

– Начиная от Пэлис-Гарденс.

– Может быть, они отстали на подъеме?

– Может быть, но сейчас один стоит внизу на улице.

Он не шутил, напротив, был очень мрачен. И до сих пор не переоделся, по-видимому считая это ненужным.

– Сыщики в штатском? – со вздохом проговорил я, развивая мысль о переодевании и вспоминая отвратительные полосы, украшавшие меня в неглубоком прошлом. На этот раз

я получу вдвойне. В воздухе запахло тюремной баландой… но тут я поймал взгляд Раффлса.

– Кто говорит о полиции, Кролик? Это итальянцы. Они охотятся за моей головой, на вашей они и волоса не тронут, а уж стричь вас наголо им и вовсе ни к чему. Так что пейте и не беспокойтесь обо мне. Я расправлюсь с ними раньше, чем они до меня доберутся.

– Можете рассчитывать на мою помощь!

– Нет, старина, в этом деле я хочу рассчитывать только на себя. Я готовлюсь к нему несколько недель. Первые смутные подозрения возникли, когда снова появились шарманщики-неаполитанцы, а те двое исчезли, выполнив свою задачу. Узнаю каморру, это ее методы. Граф, о котором я рассказывал, занимает в ней, судя по его апломбу, не последнее место. Между ним и шарманщиками длинный ряд промежуточных звеньев. Не удивлюсь, если каждый нищий неаполитанский мороженщик в Лондоне нанят им для слежки. Каморра всесильна! Помните надменного иностранца, позвонившего к нам в дверь вскоре после тех событий? Вы сказали, что у него бархатные глаза.

– Я не думал, что он связан с шарманщиками.

– Конечно, Кролик, иначе вы не пригрозили бы спустить его с лестницы, навлекая на нас новые подозрения. Но дело было сделано, и объяснять его не имело смысла. Зато первое, что я услышал, выглянув затем на улицу, был щелчок фотоаппарата, а первое, что увидел, – бархатные глаза вашего на-

стырного знакомого. Потом – несколько недель назад – все как будто затихло. Они послали мой портрет в Италию для опознания графу Корбуччи.

– Но это только предположения! – воскликнул я. – Вы ничего не знаете наверняка.

– Не знаю, – согласился Раффлс, – но уверен, что прав. Наш ретивый преследователь торчит на углу у почтового ящика. Посмотрите из моей комнаты – там темно – и скажите, что вы о нем думаете.

Незнакомец стоял слишком далеко, не могу поклясться, что узнал его в лицо, но покрой пальто был определенно не английским; башмаки ярко желтели в ровном свете уличного фонаря и не скрипели, когда он поворачивался. Приглядевшись внимательней, я сразу вспомнил и нелепый желтый цвет, и толстую подошву, и низкие каблуки – именно такие башмаки были на подозрительном, кофейно-смуглом, волооком иностранце, которого я принял за отъявленного мошенника и прогнал от двери. Я не слышал шагов на лестнице, только звонок и, отперев, с сомнением посмотрел на его ботинки – не на каучуковой ли они подошве?

– Это он, – вернувшись к Раффлсу, сообщил я и описал приметные ботинки.

Раффлс остался доволен.

– Неплохо, Кролик, – сказал он, – вы делаете успехи. Теперь я хотел бы узнать, прислали его специально или он находится здесь давно. Вы правильно заметили: ботинки необыч-

ные и сшиты, конечно, в Италии, следовательно, человек этот приехал по особому заданию. Но гадать бессмысленно. Надо самому во всем разобраться.

– Как?

– Он не будет стоять здесь всю ночь.

– И что с того?

– Когда ему надоест за мной следить, я отплачу той же монетой и прослежу за ним.

– Я пойду с вами, – заявил я.

– Посмотрим, – ответил Раффлс, поднимаясь. – Посмотрим. Выключите газ, Кролик, мне нужно на него взглянуть. Спасибо. Так, минутку… ну вот! Ему уже надоело, он уходит – пора и мне!

Я кинулся к наружной двери и загородил ему дорогу.

– Нет, одного я вас не отпущу.

– Вы не можете идти в пижаме.

– Теперь понятно, зачем вы заставили меня переодеться!

– Кролик, отойдите, не то будет хуже. Дело касается только меня и никого больше. Обещаю, что вернусь через час.

– Обещаете?

– Клянусь.

Я сдался. Что мне оставалось делать? Раффлс вел себя загадочно, но я привык к его загадкам, да и не мог же я с ним драться. Пожав плечами и пожелав удачи, я пропустил его, а потом бросился к нему в комнату, чтобы посмотреть вслед из окна.

Дойдя до конца нашей улочки, иностранец в диковинных ботинках и пальто остановился, словно в нерешительности, и Раффлс успел заметить, куда он свернул. Легким шагом он двинулся за итальянцем, а я наблюдал за его беспечной, проворной походкой и гадал, почему до сих пор никто не узнал его по этой характерной примете. Раффлс почти добрался до угла тихой, пустынной улицы, когда я прервал свои наблюдения, осознав, что он на ней не один. С противоположной стороны приближался второй пешеход: грузный мужчина в тяжелом, не по погоде пальто с каракулевым воротником и черной широкополой шляпе, не позволявшей мне сверху заглянуть в его лицо. По мелким, шаркающим шагам я понял, что он далеко не молод и чрезмерно упитан. Неожиданно шаги затихли под самым окном. Я мог бы швырнуть камешек в выемку на черной фетровой шляпе. Потом Раффлс, не оглядываясь, повернул за угол, а толстяк поднял к небу руки и запрокинул лицо. Лица я не увидел: его заслоняли огромные белоснежные усы, похожие на чайку в полете, как заметил однажды Раффлс, ибо я сразу определил, что передо мной его заклятый враг граф Корбуччи.

Я не стал задерживаться, чтобы оценить достоинства метода, при котором главный загонщик крадется сзади, а помощник, словно охотничий пес, заманивает дичь. Предоставив графу еще быстрей семенить вперед, я начал торопливо, как на пожар, натягивать что попало. Если граф решил следовать за Раффлсом, то я не премину последовать за ним и

замкну полуночную процессию. Но улица была пустынна, не нашел я его и на Эрлз-Корт-роуд, такой же пустынной, если не считать вечного нашего недруга, застывшего, как восковая фигура, перетянутая поблескивающим поясом.

– Простите, сержант, – задыхаясь, выговорил я, – вы не видели пожилого джентльмена с большими седыми усами?

Моя любезность пропала даром: юнец в форме рядового полиции еще подозрительней уставился на меня.

– В кебе уехал, – буркнул он наконец.

В кебе! Значит, он не следит за ними – я не знал, что и думать. Но беседу надлежало закончить.

– Это мой приятель, – объяснил я, – мне нужно его догнать. Вы не знаете, какой адрес он дал кебмену?

Выслушав грубое, лаконичное «нет», я удалился, утешая себя мыслью, что в ближайшем дружеском матче у черного входа – револьверы против дубинок – я недолго буду выбирать противника из рядов лондонской полиции.

Теперь, когда я упустил графа, оставалась сравнительно легкая задача – найти двух пешеходов, и я бросился наперерез первому встречному кебу. Я хотел рассказать Раффлсу, кого увидел из окна; Эрлз-Корт-роуд – улица длинная, а свернул он на нее совсем недавно. Я проехал эту приятную во всех отношениях улицу до конца, прочесывая тротуары взглядом, как гребнем, но ни разу не зацепился за Раффлса. Потом обшарил Фулем-роуд с востока на запад и с запада на восток и, наконец махнув на все рукой, повернул к дому.

Глубину своей беспечности я понял, лишь расплатившись с кучером и поднявшись по лестнице. Раффлсу, конечно, и в голову бы не пришло подъезжать к дверям в экипаже, но все-таки я надеялся застать его наверху. Он сказал, что вернется через час. Я неожиданно вспомнил об этом. Час давно прошел. Но квартира была по-прежнему пуста; тусклый огонек, замеченный на углу из кеба и обнадеживший меня, оказался светом лампы, забытой в тихом коридоре.

Что я пережил этой ночью – не берусь описать. Большую ее часть я провел на подоконнике, весь обратившись в слух; я раскидывал сети, я ловил приглушенные шаги и еле различимые колокольчики кебов и, вытянув очередного случайного прохожего, бросал его на полдороге. Затем подходил к двери и слушал, не раздастся ли шум на наружной лестнице, по которой он мог вернуться. Шум раздался, когда совсем рассвело. Я распахнул дверь; молочник, стоявший за ней, побелел от испуга, будто я окунул его в бидон с молоком.

– Вы опоздали! – рявкнул я, хватаясь за первое оправдание.

– Простите, – с достоинством возразил он, – сегодня я на полчаса раньше обычного.

– Тогда простите и вы меня, – сказал я, – мистер Метьюрин всю ночь не сомкнул глаз. Я хотел напоить его чаем, а молока все нет и нет.

Моя выдумка (к сожалению, подходящая для мистера Раффлса так же, как для мистера Метьюрина) вернула мне

не только прощение, но и дружеское расположение, которое у разносчиков всегда наготове вместе с другим товаром. Перед уходом добрый малый заметил, что у меня измученный вид, преисполнив меня гордости за невольно открывшийся талант сочинять небылицы. Правда, здравый смысл подсказывал, что благодарить надо не талант, а привычку, и я не удержался от вздоха, поняв, как глубока моя зависимость от учителя и как скудны сведения о его теперешней судьбе. Но ложь была наказана очень быстро, ибо не прошло и часа, как раздались два настойчивых звонка и появился доктор Теобальд в рыжем егерском костюме с поднятым до рыжего подбородка воротником, прикрывающим пижаму.

– Я слышал, вы провели неспокойную ночь, – сказал он.

– Он не прилег ни на минуту и мне не дал задремать, – прошептал я, придерживая дверь и заслоняя ему дорогу. – Но сейчас спит сном праведника.

– Я должен его осмотреть.

– Он строго-настрого запретил вас пускать.

– Но я его врач и…

– Вы ведь знаете, он просыпается от малейшего шороха, – пожав плечами, ответил я. – Если вы будете настаивать, то непременно его разбудите, и тогда, можете мне поверить, вам несдобровать!

Из-под огненных усов донеслось тихое проклятие.

– Я навещу его попозже, – проворчал он.

– А я подвяжу колокольчик, – ответил я, – звон мешает

ему спать так же, как шаги и разговоры.

И я захлопнул дверь у него под носом. Да, Раффлс не ошибся: я делал успехи. Но какой прок от моих успехов, если его постигла неудача? А в этом я уже не сомневался. Посвистывая и оставляя под дверями газеты, прошел мальчик-разносчик; время близилось к восьми; на столе стояло нетронутое с полуночи виски. Если Раффлс попал в беду, я никогда в жизни не прикоснусь к бутылке – или не смогу с ней расстаться.

А пока, не помышляя о завтраке, забыв о пижаме и потемневших за эту бурную ночь щеках и подбородке, я в невыразимом отчаянии слонялся по квартире. Долго ли это протянется? – вертелся в голове вопрос. Его сменил другой: долго ли протяну я?

На самом деле в ожидании прошло лишь утро, но время для меня словно остановилось и каждый час казался арктической ночью. Однако не позже чем в двенадцатом часу я снова услышал колокольчик, который все-таки забыл подвязать. Я сразу понял, что это не доктор, но и не вернувшийся скиталец. Наш пневматический звонок позволял определить, легко или с силой на него нажимали. Сейчас его касалась неуверенная и робкая рука.

Обладателя ее я видел впервые. Он был молод, оборван и лишен одного глаза, зато другой пылал лихорадочным возбуждением. Едва я открыл дверь, он обрушил на меня невнятный поток слов, произнесенных, по моим предполо-

жениям, на итальянском и, следовательно, владей я этим языком, сообщавших мне о Раффлсе. Я вспомнил о языке жестов и втащил незнакомца внутрь, не обращая внимания на его сопротивление и недоверчивый, дикий взгляд единственного глаза.

– Non capite?[2] – вскричал он, когда, преодолев поток высказываний, я втянул его в коридор.

– Ни слова, будь я проклят! – ответил я, по тону вопроса угадав содержание.

– Vostro amico[3], – залопотал он, а потом стал повторять: – Poco tempo, poco tempo, poco tempo![4]

Наконец-то мне пригодилась школьная латынь. «Мой друг, мой друг и очень мало времени!» – с ходу перевел я и кинулся за шляпой.

– Ecco, signore![5] – закричал итальянец, выхватывая из моего жилетного кармана часы и тыкая грязным ногтем сначала в длинную стрелку, а потом в цифру двенадцать. – Mezzogiorno…[6] poco tempo… poco tempo!

Я тут же расшифровал: сейчас одиннадцать двадцать, а к двенадцати нам надо быть на месте. Но где, где? Что за нестерпимая мука – спешить на зов, не зная и не имея воз-

---

[2] Вы не понимаете? (*ит.*)

[3] Ваш друг (*ит.*).

[4] Мало времени! (*ит.*)

[5] Вот, синьор! (*ит.*)

[6] Полдень (*ит.*).

можности узнать главного. Но я и тут не потерял присутствия духа и находчивости, которая росла и крепла буквально на глазах, и перед уходом засунул носовой платок между молоточком и корпусом звонка. Теперь доктор мог трезвонить до изнеможения, не надеясь привлечь мое внимание.

Я почему-то ожидал увидеть у дверей кеб, но ожидания не оправдывались, и кеб мы поймали лишь на Эрлз-Корт-роуд, а точнее, на стоянке, до которой бежали от самого дома. Через дорогу, как известно, возвышается колокольня с часами, и, взглянув на циферблат, мой спутник всплеснул руками: стрелки приближались к половине двенадцатого.

– Poco tempo… pochissimo![7] – простонал он и потом крикнул кебмену: – Блумбури скувер, numero trentotto![8]

– Блумсбери-сквер! – наугад гаркнул я. – Дом покажу, когда подъедем, гони не останавливаясь!

Мой попутчик откинулся на сиденье в углу и переводил дух. В маленьком зеркальце я увидел, что и моя физиономия изрядно покраснела.

– Неплохая пробежка! – воскликнул я. – Знать бы еще, что там стряслось. Неужели тебе не передали записку?

Я, конечно, понимал, что никакой записки нет, но все равно начал выразительно водить пальцем по ладони. Он пожал плечами и покачал головой.

---

[7] Мало времени… очень мало! (*ит.*)

[8] Номер тридцать восемь! (*ит.*)

– Niente, – сказал он. – Una questione di vita, di vita![9]

– Что-что? – перебил его я и, призвав на помощь всю свою ученость, прибавил: – Помедленней… andante… rallentando[10].

Какое счастье, что музыкальные пояснения к затертым оперным ариям даются на итальянском! Парень, кажется, меня понял.

– Una… questione… di… vita.

– O mors[11], верно? – заорал я так, что люк на крыше распахнулся.

– Avanti, avanti, avanti![12] – крикнул итальянец, обратив вверх единственный глаз.

– Гони что есть мочи, – перевел я, – плачу вдвое, если успеешь до двенадцати.

Но время на лондонских улицах течет по-особому. С Эрлз-Корт-роуд мы уехали почти в половине двенадцатого, а на Хай-стрит оказались в одиннадцать тридцать одну. Полмили в минуту – вот это скорость! Правда, и лошадь почти не сбивалась с галопа. Зато следующие сто ярдов мы одолели за пять минут, если верить ближайшим часам. Но ведь каким-то нужно верить! Я справился по своим (действительно своим) старым часам, которые показывали без восемнадцати

---

[9] Ничего нет. Это вопрос жизни! (*ит.*)

[10] Медленно, растягивая (*ит.*).

[11] Или смерти (*ит.*).

[12] Вперед, вперед, вперед! (*ит.*)

двенадцать, когда мы перемахнули мост через Серпантин, и без четверти, когда, не замедляя хода, вылетели на Бейсуотер-роуд.

– Presto, presto, – бормотал мой побледневший проводник. – Affrettatevi… avanti![13]

– Десять шиллингов, если прибудем на место вовремя! – крикнул я в люк, не имея ни малейшего представления, что это за место и кто нас там ждет. Но мне сказали «una questione di vita» и «vostro amico», а им мог быть только мой бедный Раффлс.

Опаздывающему пассажиру – мужчине ли, женщине – добрый экипаж кажется даром небес. Для нас поймать такой экипаж было поистине небесной удачей; мы не выбирали, взяли тот, что стоял первым. И не прогадали: он и в остальном обошел соперников. Шины новые, рессоры отменные, конь великолепный, а возница – настоящий мастер! Он сновал по мостовой, как проворный полузащитник по футбольному полю, всегда успевая занять свободное место. Кебмен город знал как свои пять пальцев. У Мраморной Арки мы вырвались из основного потока, нырнули в Вигмор-стрит и пошли колесить, забирая то вправо, то влево, пока между лошадиными ушами не засияли в лучах солнца золотые кончики музейной ограды. Цок-цок-цок, динь-динь-динь, копыта-колокольчик, колокольчик-копыта, вот и Блумсбери-сквер позади, вот проплыла мимо исполинская

[13] Быстрей, быстрей. Еще быстрей… вперед! (*ит.*)

фигура Ч. Дж. Фокса в грязно-серой тоге, а стрелка на моих часах стояла еще в трех делениях от двенадцати.

– Какой номер? – крикнул сверху лихой кучер.

– Trentotto, trentotto, – ответил мой проводник, глядя на противоположную сторону, я вытолкнул его из кеба, и он побежал к дому. Десяти шиллингов у меня не нашлось, но я не пожалел для славного малого соверен, как не пожалел бы и сотню.

Итальянец отпер дверь дома тридцать восемь, и мы очутились на такой узкой, замызганной, типично лондонской лестнице, какая не может померещиться самому истому поборнику сельской жизни. На стенах виднелись панели, но в прихожей было темно и смрадно, и, если бы не тусклый желтый свет газовой лампы, нам бы и до лестницы не добраться. Тем не менее мы очертя голову кинулись вверх, развернулись на площадке, перепрыгнули еще через несколько ступенек и, как вихрь, влетели в гостиную. В ней тоже царил полумрак, словно в ателье фотографа; картина, которую я увидел через плечо проводника, за сотую долю секунды отпечаталась в памяти, как на фотопластине.

Стены и здесь были обшиты панелями, а у стены слева, в самой середине, привязанный за руки к железному кольцу над головой, а за шею к двум кольцам поменьше, едва касаясь ногами пола, стоял, а вернее, висел на опутывающих его веревках мертвый, как мне почудилось, Раффлс. Во рту он сжимал черную линейку, концы которой были стянуты на за-

тылке; запекшаяся на ней кровь отсвечивала бронзой. А прямо перед ним, громогласно, как молотом, отстукивая время, стояли скромные, старые, дедовские часы; единственная стрелка указывала на двенадцать – часы готовились пробить полдень. Но не успели: мой проводник обрушился на них и отшвырнул в угол. Раздался стук, потом оглушительный грохот, над часами поднялось белое облако, и я увидел под циферблатом дымящееся дуло револьвера. Он крепился к часам проволокой, проходившей через цифру двенадцать, и сейчас стрелка касалась одновременно и проволоки, и цифры.

– Изучаете устройство, Кролик? – услышал я.

Он говорил со мной, он был жив, итальянец вытащил запятнанную кровью линейку и пытался перерезать ремни на руках. Но не дотягивался, и я приподнял его, а потом начал помогать своим перочинным ножом. Раффлс слабо улыбался нам разбитым ртом.

– Оно достойно изучения, более изощренного способа мести я не видел и не увидел бы впредь, опоздай вы на минуту. Двенадцать часов я не сводил глаз со стрелки, которая двигалась по кругу к последней, смертельной отметке. Все очень просто. Срабатывает мгновенно, как электрический разряд. Держится на одной стрелке – подумать только!

Мы перерезали ремни. Он чуть не упал. Поддерживая с двух сторон, мы довели его до мягкого дивана – в комнате была и другая мебель, – и, пока я уговаривал его посидеть

молча, одноглазый курьер направился к двери, но Раффлс остановил его, коротко окликнув по-итальянски.

– Он пошел за вином, но с этим можно подождать, – голос его звучал тверже. – Сначала я обо всем расскажу, а потом с удовольствием выпью. Не выпускайте его, Кролик, встаньте у двери. Он честный парень, мне повезло, что я поговорил с ним до того, как меня связали. Я обещал отблагодарить его и сдержу слово, но выходить ему пока не стоит.

– Если вы отослали его ночью, – воскликнул я, – почему, черт возьми, он пришел ко мне в одиннадцать?

– В одиннадцать? Значит, он уложился точно в час – ненужная пунктуальность. Но все хорошо, что хорошо кончается. А у меня нет причин жаловаться на плохой конец. Правда, губы саднит, но это неудивительно.

И он показал на длинную черную линейку со следами крови, лежавшую на полу; я поднял ее и подал ему.

– В прошлый раз я пользовался именно такой, – улыбка далась ему с трудом. – В артистизме старине Корбуччи не откажешь, несмотря ни на что.

– Но как он до вас добрался? – живо спросил я, мне так же не терпелось его выслушать, как ему со мной поделиться, хотя я мог подождать и до дома.

– Я был бы рад вам рассказать, Кролик, но, поверьте, сам этого не знаю, – откровенно сказал Раффлс. – Я следил за вашим черноглазым знакомым. И довел его до дома. Потом он исчез внутри, а я, разумеется, захотел осмотреть дом побли-

же и обнаружил, представьте себе, что он не запер дверь. Кто бы удержался на моем месте? Я слегка приоткрыл ее и только просунул голову, как получил такой удар, какой не желал бы испытать второй раз. Когда я очнулся, меня подвешивали за руки к кольцу, а рядом, приветливо улыбаясь, стоял Корбуччи, но как он сюда попал, я до сих пор не понимаю.

– Сейчас поймете, – ответил я и рассказал о своих наблюдениях. – Я увидел графа под нашими окнами и догадался, что он за вами следит, а через пять минут на Эрлз-Корт-роуд узнал, что он сел в кеб. Он убедился, что вы идете за его человеком, обогнал вас и заманил открытой дверью, как вы описали.

– Ну что ж, – сказал Раффлс, – он неплохо потрудился: приехал специально из Неаполя, привез линейку, подготовил кольца и даже комнату обставил ради моего прихода! Ему во что бы то ни стало хотелось со мной рассчитаться, и он выбрал ловушку, в которую когда-то попался сам, позаботившись, чтобы у него она сработала безотказно. Об этом он сообщил мне сегодня в три часа утра, расположившись вот здесь, на диване, и покуривая тошнотворную сигару. Когда я его поймал, он просидел связанным двадцать четыре часа, но мне, сказал он, хватит и двенадцати, тем более что по истечении срока меня ждала верная гибель, и, растяни он ожидание, я бы и последние минуты отдал, чтобы ускорить конец. Хотел бы я знать, как можно заставить стрелку дважды обойти круг и лишь раз задеть за проволоку. Он объяс-

нил мне устройство прибора, добавив, что изобрел его в винограднике, о котором я вам говорил, а потом спросил, помню ли я приговор, который он вынес мне от имени каморры. Я признал, что слышал какие-то угрозы. Тогда он любезно посвятил меня в такие тонкости этой организации, что, обнародовав их, я завоевал бы европейскую известность, если бы не злосчастное сходство с неисправимым преступником Раффлсом. Как вы думаете, Кролик, в Скотленд-Ярде меня еще не забыли? Честное слово, я готов проверить.

Я предпочел промолчать. Эта тема меня не занимала. Но Раффлс – Раффлс занимал меня как никогда. Он спокойно сидел и разговаривал, словно не провел ночь и полдня в мучениях, словно не его только что освободили от пут; побывав на волосок от смерти, он излучал жизнерадостность; претерпев обиды и поражение, чудом избежав самого худшего, улыбался разбитыми губами, будто все это произошло не с ним. Я воображал, что знаю Раффлса. Какое наивное самообольщение!

– Но куда подевались негодяи? – вскричал я, возмущенный не только жестокостью самих негодяев, но и невозмутимостью их жертвы. На Раффлса это было не похоже.

– О, они намеревались вернуться в Италию instanter[14], – ответил он, – и сейчас должны уже быть в открытом море. Но послушайте лучше, какие интересные подробности я узнал. Оказывается, плут Корбуччи – большая фигура в каморре,

[14] Немедленно (*ит.*).

он сам признался. Один из capi paranze[15], вот так-то, дружище, а черноглазый Джонни – его giovano onorato, Anglice[16], новичок. Этот парень тоже с ними связан, и я поклялся защищать его от мести, кроме того, как я и предполагал, в дело замешана половина лондонских шарманщиков, все они получили тайное распоряжение за мной следить. Ваш бесстрашный проводник в свободное время занимался изготовлением дрянного мороженого в Сэффрон-Хилла.

– Но почему, скажите на милость, он явился ко мне так поздно?

– Он не мог объясниться, мог только привести вас, рискуя собственной жизнью, и не раньше, чем уберутся наши приятели. Они уезжали в одиннадцать с вокзала Виктория, почти не оставляя ему шансов, но сводить их к нулю было, конечно, излишним. Однако не забывайте, что за минуту, на которую эта парочка опрометчиво оставила нас, мы обменялись лишь несколькими словами.

Оборванный герой таращил свой единственный глаз, будто понимая, что речь идет о нем. Вдруг он что-то горячо забормотал, испуганно заламывая руки и едва не падая на колени. Раффлс мягко его успокоил, судя по тону, и повернулся ко мне, сочувственно пожав плечами.

– Он говорит, что долго искал наш дом, Кролик, и я ему верю. Я успел попросить его об одном: разыскать вас и так

---

[15] Главарей (*ит.*).

[16] Доверенное лицо, англичанин (*ит.*).

или иначе привести сюда, и с этим он справился. Теперь же бедняга решил, что вы на него сердитесь и собираетесь выдать каморре.

– Я сержусь не на него, – честно признался я, – а на двух других мерзавцев и… и на вас, старина. Неужели вас не трогает, что презренные негодяи, которые сейчас благополучно подплывают к Франции, смеются последними?

Взгляд Раффлса сделался чрезвычайно внимательным, что бывало лишь в самые серьезные моменты. Наверное, мое высказывание обидело его. В конце концов, для него в этом деле смешного было мало.

– Подплывают к Франции? – произнес он. – Не думаю.

– Вы сами так сказали!

– Я сказал «должны».

– Разве вы не слышали, как они уходили?

– Я слышал только тиканье часов. Для меня оно звучало как бой тюремных курантов для приговоренного к виселице.

В глубине его внимательных глаз я впервые различил отблеск пережитых мучений.

– Но, Раффлс, дорогой мой, если они в доме…

Мысль была настолько чудовищной, что я не решился ее закончить.

– Надеюсь, что в доме, – сурово произнес он, направляясь к двери. – Свет не выключен! Он горел, когда вы вошли?

Подумав, я подтвердил, что горел.

– И еще я обратил внимание на омерзительный запах, –

добавил я, спускаясь по лестнице за Раффлсом.

Он с мрачным видом обернулся и указал на дверь нижней комнаты; рядом на крюке висело пальто с каракулевым воротником.

– Они здесь, Кролик, – сказал он, нажимая на ручку.

Дверь с трудом приоткрылась. Через щель выползла смрадная струя и широкая полоса желтого газового света. Раффлс поднес к лицу платок. Я последовал его примеру и кое-как втолковал итальянцу, чтобы он сделал то же самое; затем мы втроем вошли в комнату.

Человек в желтых ботинках лежал у самой двери, граф навалился мощным телом на стол; с первого взгляда было ясно, что оба мертвы уже несколько часов. В синей раздутой руке старого головореза я увидел ножку бокала, осколок рассек один палец, и на мертвенной коже запеклись последние капли крови. Он уронил голову на стол, огромные усы, торчащие по сторонам окостеневших щек, казались странными живыми существами. На скатерти, на дне двух глубоких тарелок и в супнице лежали крошки хлеба и куски застывших макарон со следами томатного соуса; в стаканах алели остатки жидкости, а пустая fiasca[17] показывала, откуда ее налили. Рядом с тяжелой седой головой стоял еще один, целый, бокал, наполненный чем-то белым и зловонным, а подальше – маленькая серебряная фляжка. С ужасом, которого не вызвали во мне мертвецы, я посмотрел на Раффлса – фляжка

[17] Большая оплетенная бутыль (*ит.*).

принадлежала ему.

– Воздух здесь слишком вреден для здоровья, – угрюмо произнес Раффлс. – Выйдем в коридор, и я расскажу, что случилось.

Мы остановились в коридоре, Раффлс занял место у входной двери, спиной к улице, лицом к нам. Хотя его рассказ предназначался мне, время от времени он останавливался и переводил отдельные фразы для одноглазого иностранца, которому был обязан жизнью.

– Не знаю, слышали ли вы, Кролик, о самом сильном из известных науке ядов. Он называется цианид какодила, фляжку с ним я ношу в кармане уже несколько месяцев. Как он ко мне попал – несущественно, но одна его капля способна превратить живую плоть в бренный прах. Я не одобряю самоубийства, вам это известно, но опасность предпочитаю встречать во всеоружии. Бутылки этого средства достаточно, чтобы в пять минут навеки усыпить немалое количество людей в немалых размеров комнате. Я вспомнил о нем сегодня, когда на несколько часов меня в прямом смысле слова распяли. Я просил их достать фляжку из кармана. Я умолял дать мне глоток, прежде чем они уйдут. И как вы думаете, что они сделали?

Предположений у меня хватало, но я не стал их высказывать, предпочитая подождать, пока он довольно бегло переведет последнее сообщение на итальянский. Когда он повернулся ко мне, лицо его все еще пылало.

– Подлый Корбуччи! – воскликнул он. – Я не могу его жалеть. Он взял фляжку, но мне не дал ни глотка и вдобавок отвесил пощечину. Я хотел продать свою жизнь подороже… хотел захватить его с собой… разделив с ним последний вдох. Но ему нравилось мучить и терзать меня; он решил, что это бренди, и собрался унести его вниз, чтобы выпить за мое поражение! Нет, этот мерзавец не заслуживает жалости!

– Уйдем отсюда, – хрипло выдавил я, когда Раффлс кончил переводить и второй слушатель замер с открытым ртом.

– Хорошо, уйдем, – сказал Раффлс, – и уйдем открыто. А если к нашим бедам добавятся худшие, этот добрый малый подтвердит, что с часу ночи я стоял связанный, а медики определят, когда смерть настигла негодяев.

Но худшего не случилось, и этим мы обязаны незабвенному кебмену, никому не сообщившему, каких пассажиров он домчал до Блумсбери-сквер в тот день, когда там разыгралась трагедия, и откуда эти пассажиры приехали. Он, наверное, разобрался, что их нельзя считать убийцами: по результатам расследования подобное определение больше подходило покойному Корбуччи. Дурная слава отщепенца и изменника всплыла, как только установили его личность, а адская машина на втором этаже изобличила бесчеловечные повадки закоренелого анархиста. Дознание, окончившееся ничем, лишило умершего даже того сострадания, какое всегда сопутствует гибели погрязшего во грехе.

Почему-то это выражение не кажется Раффлсу подходящим заглавием для моего рассказа.